

(Продолжение. [Начало «В» от 10.11.2021](#))

Часть II

Константин Коротов, генеральный директор «Корпорации развития Камчатки»

Почему Сталин не верил Рамзаю

В современной публицистике часто и охотно размышляют на тему о том, сколь успешно работала советская разведка накануне вторжения гитлеровцев в Советский Союз. Если без критического анализа принимать позиции некоторых авторов, то можно всерьез поверить, что политическое и военное руководство страны накануне 22 июня 1941 года благодаря стараниям разведки, зная практически всё о предстоящей агрессии, полученные сведения игнорировало. При этом чаще всего ссылаются на донесения агента Разведупра Красной Армии Рихарда Зорге, носившего агентурные псевдонимы: Рамзай, Инсон, Зонтер.

Кто-то даже отважно утверждает, что он назвал точную дату начала гитлеровского вторжения в Советский Союз. И такая точка зрения активно тиражируется, но не имеет документального подтверждения. В предпоследнем предвоенном донесении, датированном 17 июня, Рамзай сообщает: «Германский военный атташе не знает – будет война или нет». Спустя три дня новая информация: «Германский посол в Токио сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна». Но об этом знали обе стороны, даже когда в августе 1939 года подписывали Пакт о ненападении. Точной даты войны Рихард Зорге не называл.

В 1998 году после проведения первого Токийского международного симпозиума, посвященного деятельности резидентуры Рамзая, журналист японской общественной вещательной корпорации NHK Сэцу Микумо, руководивший созданием серии телефильмов о Зорге, обратился с официальным запросом в Министерство обороны РФ. Он интересовался, сообщал ли сотрудник Разведупра РККА Рихард Зорге точную дату нападения Германии на Советский Союз. Начальник пресс-бюро российского

Министерства обороны Владимир Никаноров дал ответ, касающийся всей агентурной сети Красной Армии: «Среди хранящихся материалов об отношениях между Советским Союзом и Германией нет документов, в которых бы сообщалась точная дата нападения».

Хорошо также известно, что глава СССР Иосиф Сталин не доверял сообщениям Рамзая. Большинство исследователей усматривают в таком отношении политическую составляющую из-за близкого знакомства Рихарда Зорге с репрессированными советскими партийными работниками и зарубежными деятелями Коминтерна.

На мой взгляд, причина недоверия Сталина к информации Рамзая кроется в том, что и глава государства, и высшее руководство наркоматов обороны и внутренних дел считали, что Зорге, возможно, и сам того не понимая, работает под контролем японского генерального штаба. Вывод о причинах недоверия Сталина и его близкого окружения к Рамзаю вытекает из одного хорошо известного факта.

14 июня 1938 года в марионеточное государство Маньчжоу-Го, созданное и полностью контролируемое Токио, перебежал комиссар госбезопасности 3 ранга, начальник Управления НКВД по Дальнему Востоку Генрих Люшков, знавший о работе Зорге и его резидентуре. Связь с Рамзаем поддерживалась через расположенную в Посьете радиостанцию особого назначения НКВД, подотчетную Люшкову. Бывший чекист активно сотрудничал с японской разведкой, выдал многих советских агентов, принимал участие в разработке и самой попытке покушения на Сталина, которая, впрочем, завершилась провалом.

В Москве обоснованно опасались, что Генрих Люшков выдал и Рихарда Зорге. Поэтому полученные от Рамзая сведения о возможном нападении Германии не считались достоверными. Сообщение Зорге о переносе Японией на неопределенное время сроков вступления в войну против СССР также не стало решающим доводом советскому руководству для принятия решения в августе – сентябре 1941 года о переброске войск с востока на запад. Да и не мог Рамзай точно знать о планах Токио. Зорге арестовали 18 октября 1941 года, а Берлин именно в ноябре особенно настойчиво требовал от Токио вступить в войну.

Как стало известно совсем недавно, по японской линии у советской политической разведки существовал более информированный источник. Им являлся поверенный в делах Японии в Болгарии Идзуми Кодзо. Информация о возможности подключения

Токио к агрессии против Советского Союза шла от него.

В конце ноября политическая разведка СССР перехватила телеграмму министра иностранных дел Японии Сигенори Того к послу Страны восходящего солнца в Германии. После ее расшифровки талантливыми криптоаналитиками НКВД Борисом Аронским и Сергеем Толстым, о телеграмме срочно доложили высшему советскому руководству. В телеграмме Сигенори Того требовал от посла сообщить Гитлеру, «что основные японские усилия будут сосредоточены на Юге, и мы предполагаем воздержаться от преднамеренного предпринятия действий на Севере». Об этой же телеграмме узнала британская разведка. Текст документа в дополнение к уже имеющейся расшифровке передала в Центр и Кембриджская пятерка.

Советский Союз имел и других хорошо информированных агентов на территориях всех ключевых мировых игроков того времени. Никто из них не направлял в Центр хотя бы косвенных упоминаний о плане «Барбаросса», не информировал даже приблизительно о стратегическом замысле гитлеровцев в войне с СССР. Дат начала войны закордонная агентура называла много и в большом временном разбросе от марта до августа.

Перед операцией «Тайфун» ситуация повторилась. О подготовке немцев к наступлению на Москву знали. Но замысел операции, привлекаемые силы, место и время ее проведения советская войсковая и агентурная разведка вскрыть не смогли.

«Образовавшийся прорыв вдоль Московского шоссе прикрыть нечем...»

Командование Красной Армии полагало, что немецкая группа армий «Центр» располагает только 3-й танковой группой Германа Гота, поэтому и удар механизированными соединениями, считали в Генштабе РККА, гитлеровцы смогут нанести по единственному направлению. Но к концу сентября немцы на центральный участок фронта скрытно перебросили еще две танковые группы: вторую – Гейнца Гудериана, с юга и четвертую – Эриха Гёпнера, из-под Ленинграда.

Чтобы советская радиоразведка не зафиксировала исчезновения из боевых порядков группы армий «Север» танковой группы, немцы вблизи Северной столицы оставили радиста узла связи штаба 4-й ТГр с легко узнаваемым личным почерком. Он продолжал

выходить в эфир до того самого момента, пока танки группы не нанесли удар по правому флангу Западного фронта...

Споры о том, могли ли командующий Западным фронтом Иван Конев и начальник Генерального штаба Борис Шапошников предотвратить разгром наших войск на московском направлении в октябре 1941 года, не утихают до сего дня. Ответ на этот вопрос носит, на мой взгляд, гипотетический характер. Можно приводить бесконечные доводы «за» и «против», вспомнить слова Георгия Жукова о том, что «Конев проспал фронт», но главная причина той давней трагедии останется неизменной: в 1941 году вермахт оставался сильнее Красной Армии.

Преимущество противника состояло в отличной подготовке солдат и унтер-офицеров, в активности и тактической грамотности командиров в звене рота – полк, в способности гитлеровского генералитета с германской пунктуальностью планировать боевые операции и руководить войсками. Но мощная немецкая военная машина была далеко не во всём безупречна. Маниакальное стремление гитлеровских генералов осенью 1941 года, не считаясь ни с чем, продвигаться вперед, их пренебрежительное отношение к противнику, неверие в способность неприятеля планировать успешные стратегические операции во многом предопределили успех зимних контрнаступлений РККА, которыми завершился первый этап Великой Отечественной войны.

Немцы запоздало поняли, что русские – отличные ученики, способные быстро превзойти учителей. И битва под Москвой вскоре это продемонстрирует.

Но пока танки Гудериана, прорвав оборону Брянского фронта, стремительно продвигались. Ставка некоторое время считала, что именно с южного фланга центрального направления наносится главный удар по Москве.

1 октября Генштаб усилил Брянский фронт 49-й армией в составе 4 стрелковых, 3 кавалерийских дивизий и 3 артиллерийских полков противотанковой артиллерии из состава Резервного фронта. Им командовал маршал Семен Буденный. Армия перебазировалась на юг по железной дороге. Московский корпусной район ПВО выделил перебрасываемым войскам надежное авиационное прикрытие.

Армия снялась с позиций, дивизии приступили к погрузке в эшелоны, но 4 октября Ставка приказала объединению повернуть на север. На участках Западного и Резервного фронтов сложилась еще более угрожающая обстановка, чем на Брянском. Немцы ударили там, где их не ждали, создав в коридорах прорыва колоссальный перевес в силах, беспощадно разрывающий оборону советских стрелковых дивизий.

В отчете о боевых действиях 3-й танковой группы, наступавшей из района Духовщины, говорится: «Начавшееся 2.10 наступление оказалось для противника полнейшей неожиданностью. Моторизованные и пехотные дивизии (особенно V армейского корпуса) после короткой артиллерийской подготовки прорвали оборонительные позиции противника и устремились вперед... Соппротивление противника оказалось гораздо слабее, чем ожидалось. Особенно слабым было противодействие артиллерии...»

Сходная ситуация наблюдалась и на участках 24-й и 43-й армий Резервного фронта, по которым наносила удар 4-я танковая группа немцев из района Рославля. Командовал 24-й армией долгие годы служивший на Дальнем Востоке генерал Константин Ракутин.

Поначалу Иван Конев не осознал нависшей опасности над войсками его фронта. Он по-прежнему ожидал главный удар немцев вдоль дороги Смоленск – Москва, где оборонялись войска 16-й и 20-й армии, но там гитлеровцы активных действий пока не предпринимали. Соответствующие «успокоительные» доклады шли от Конева и в Ставку. И там тоже почти двое суток не знали о надвигающейся катастрофе на участке Западного и Резервного фронтов, полагая, что они успешно обороняются.

Обстановка на брянском направлении также быстро перешла в критическую стадию. Командующий фронтом генерал Андрей Еременко попытался ударом во фланг танкового клина немцев остановить Гудериана, но плохо подготовленная операция успеха не принесла.

3 октября части 24-го механизированного корпуса вермахта ворвались в Орел, а спустя три дня пал и Брянск. Это означало, что в окружении юго-западнее города оказались соединения 3-й и 13-й советских армий. Для их деблокирования Ставка намеревалась отправить к Брянску 1-й гвардейский стрелковый корпус, сформированный 1 октября. Для 1941 года он представлял собой грозную силу. В его состав вошли две гвардейские стрелковые дивизии (одна из которых к тому времени еще не завершила формирования) и две танковые бригады. С воздуха действия корпуса поддерживала 6-я резервная

авиагруппа в составе четырех авиаполков. Но стремительное продвижение танков Гудериана к Туле заставили Ставку перенацелить гвардейский корпус. Вместо прорыва немецкой обороны ему поставили задачу отразить немецкое наступление в район Мценска.

Там завязались бои, остановившие на время 2-ю танковую армию немцев.

Ивану Коневу только к исходу второго дня гитлеровского наступления стали приблизительно ясны замыслы противника. Концентрированными ударами неприятель старался окружить в районе Вязьмы основные силы Западного и Резервного фронтов. Стараясь предотвратить угрозу уничтожения своих армий, Конев к северу от Вязьмы создает группу генерала Ивана Болдина, которая должна нанести удар во фланг вклинившегося противника.

С юга защитить Вязьму командующий фронтом надеялся, создав новую группировку в составе пяти стрелковых дивизий и нескольких полков противотанковой артиллерии из резерва Ставки. Для руководства этими соединениями требовался активный грамотный командующий. Выбор Конева пал на Константина Рокоссовского. Командующий фронтом приказал ему 5 октября полосу обороны армии вместе с войсками передать командарму-20 генералу Филиппу Ершакову, а самому вместе с управлением объединения и необходимыми средствами связи отбыть в Вязьму для ее обороны.

Рокоссовский посчитал отданное ему распоряжение покинуть армию в критический момент ошибочным и выполнил его только после получения письменного приказа командующего фронтом. Этот документ спасет жизнь Рокоссовскому. Когда правительственная комиссия начнет анализировать причины катастрофы Западного фронта, генерала обвинят в самовольном оставлении армии. Конев подтвердит, что Рокоссовский выполнял его распоряжение лишь после того, как командарм предъявит письменный приказ фронта.

Отдавая распоряжение Рокоссовскому, Конев еще не знал, что перечисленные им соединения и части не смогут пробиться к указанным районам сосредоточения. Более того, многие из них к тому времени перестанут существовать как боевые единицы.

6 октября Константин Рокоссовский с управлением армии прибыл в Вязьму, чтобы убедиться: город ему оборонять нечем. Связи со штабом фронта установить не удалось.

Действия генерала Ивана Болдина также не принесли ожидаемого успеха. Из-за упущенного Коневым времени войсковая группа не смогла действовать на опережение. Подоспевшие пехотные дивизии 5-го армейского корпуса надежно прикрыли северный фланг танкового клина немцев. Не встречая в глубине нашей обороны серьезного сопротивления, 7 октября 7-я танковая дивизия с севера и 10-я танковая дивизия с юга замкнули кольцо окружения войск Западного и Резервного фронтов РККА восточнее Вязьмы. В котле оказались четыре советские армии: 19-я, 20-я, 24-я и 32-я.

Только 8 октября Конев приказал окруженным армиям пробиваться в район Гжатска. Буденный значительно раньше командующего Западным фронтом разобрался в обстановке. Уже 5 октября он доложил Иосифу Сталину, что «образовавшийся прорыв вдоль Московского шоссе прикрыть нечем». К сожалению, верховный вместе с начальником Генерального штаба еще надеялись, что Конев справится с ситуацией. Когда стало ясно, что он не способен эффективно действовать в сложной обстановке, командование фронтом передали Георгию Жукову.

Волевого генерала в котлах не нашлось

Окруженные советские армии до 11 октября предпринимали неоднократные попытки вырваться из окружения. Некоторого успеха они смогли добиться только 12 октября, проделав на короткое время брешь в обороне немцев.

Ставка не могла оказать эффективной помощи окруженным войскам. Основные силы она направляла на то, чтобы закрыть немцам путь к столице.

Гитлеровцы, скованные активными действиями окруженных войск, не сразу смогли воспользоваться достигнутым успехом и продолжить массированное наступление на Москву в полосе Западного фронта. Но уже 15 октября немецкие механизированные соединения 40-го и 46-го моторизованных корпусов, перегруппировавшись, продолжили наступление на Москву.

Ставка надеялась, что окруженные войска смогут сопротивляться противнику как минимум три-четыре недели. Необходимое вооружение, боеприпасы, топливо и продовольствие у них на этот срок имелись. Окажись в этот период с войсками деятельный распорядительный командир, подобный Георгию Жукову или Константину Рокоссовскому, наверное, так бы всё и произошло. Но Ставка во главе окруженных армий 12 октября поставила генерала Михаила Лукина. Он после нескольких неудачных попыток прорвать окружение в одном и том же направлении на северо-запад, как принято говорить в официальных документах, утратил волю к сопротивлению. Показательный факт: он, имея связь с Москвой, с определенного времени перестал отвечать на запросы Ставки о положении войск.

Как разворачивались события дальше, рассказал в мемуарах генерал-лейтенант Илларион Толконюк, в октябре 1941 года капитан, сотрудник оперативного отдела штаба 19-й армии.

12 октября Лукин «собрал совещание командующих армиями, с которыми не было никакой технической связи, и прибыли не все для обсуждения положения и выработки решения... В результате родился приказ, исполнителем которого был назначен начальник оперативного отдела полковник А. Г. Маслов. После неоднократных и мучительных переделок и поправок, вызывавших нервозность, приказ был подписан командармом и начальником штаба... Кстати сказать, решение, выраженное в приказе, не было сообщено в Ставку. Думается, что это случилось потому, что руководство окруженными войсками не ожидало его одобрения. Следует к тому же заметить, что на последние запросы Ставки командование почему-то вообще не находило нужным отвечать.

... Войскам приказывалось сжечь автомашины, взорвать материальную часть артиллерии и оставшиеся неизрасходованными снаряды, уничтожить материальные запасы, и каждой дивизии выходить из окружения самостоятельно.

В тот день я был оперативным дежурным и приказ, размноженный в нескольких экземплярах для 19-й армии, попал ко мне для рассылки в дивизии. Передавая его мне, полковник А. Г. Маслов был крайне расстроен: он, стараясь не глядеть никому в глаза, молча передал документ, неопределенно махнул рукой и ушел. Чувствовалось, что полковник не согласен с таким концом армии. Через некоторое время он сказал мне по секрету: «Из всех возможных решений выбрано самое худшее, и армия погибла, не

будучи побежденной противником. Правильно говорится, что армия не может быть побежденной, пока ее командование не признает себя побежденным преждевременно. В нашем случае командование признало себя побежденным преждевременно и распустило армию, предоставив ее непобежденным бойцам самим заботиться о своей участи.

... Приказ был незамедлительно доставлен в дивизии нарочными офицерами. А когда его содержание довели до сведения личного состава, произошло то, что должно было произойти. Нельзя было не заметить, что задача понята своеобразно: спасайся кто как может... К вечеру 12 октября командование и штаб армии сложили с себя обязанность управлять подчиненными войсками. Командиры дивизий поступили так же. Командиры многих частей и подразделений выстраивали подчиненных на лесных полянах, прощались с ними и отпускали. На местах построения можно было видеть брошенные пулеметы, легкие минометы, противогазы и другое военное снаряжение. Солдаты и офицеры объединялись в группы различной численности и уходили большей частью в неизвестность...

Группировка из четырех армий, хотя и обескровленных армий, насчитывавшая сотни тысяч человек, с массой артиллерии, танков и других боевых средств, окруженная противником к 7 октября, уже 12 октября прекратила организованное сопротивление, не будучи разгромленной, и разошлась кто куда. Она, следовательно, вела бои в окружении всего каких-то 5–6 дней. Это кажется невероятным, этому трудно поверить. И тем не менее это так... Войска нуждались, прежде всего, в квалифицированном, твердом и авторитетном руководстве, чего, по существу, не было».

Напомню, эти горькие строки пишет участник тех событий.

Точных данных о потерях советских войск на вяземском и брянском направлениях не существует до сих пор.

Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Федор фон Бок в приказе, датированном 19 октября 1941 года, отмечал: «Сражение за Вязьму и Брянск привело к обвалу эшелонированного в глубину русского фронта. Восемь русских армий в составе 73 стрелковых и кавалерийских дивизий, 13 танковых дивизий и бригад и сильная армейская артиллерия были уничтожены в тяжелой борьбе с далеко численно превосходящим противником.

Общие трофеи составили: 673 098 пленных, 1 277 танков, 4 378 артиллерийских орудий, 1 009 зенитных и противотанковых пушек, 87 самолетов и огромное количество военных запасов».

Советские и российские исследователи называют другие цифры. По подсчетам военного историка Григория Кривошеева, потери Красной Армии в ходе оборонительных боев на подступах к Москве с 30 сентября по 5 декабря 1941 года составили 514 338 человек безвозвратные и 143 941 человек — санитарные. С ним не согласен другой авторитетный исследователь Лев Лопуховский. По его данным, войска Западного и Резервного фронтов за период с 28 сентября по 18 октября 1941 года понесли общие потери около 780 000 человек, из них количество захваченных противником в плен составило 527 тысяч человек.

В вяземском «котле» немцам удалось взять в плен трех командующих армиями генералов: Михаила Лукина, Филиппа Ершакова и Сергея Вишневого. Погиб, руководя идущими на прорыв войсками, командующий 24-й армией генерал-майор Константин Ракутин. Михаил Лукин и Сергей Вишневский, кстати, штабс-ротмистр императорской армии, в плену отказались сотрудничать с гитлеровцами. После войны их восстановили в воинских званиях, они продолжили службу в Советской Армии. Филипп Ершаков при невыясненных обстоятельствах погиб 9 июня 1942 года в офицерском концлагере Хаммельбург.

Современный историк Алексей Исаев считает, что «гибель в окружении войск трех фронтов на дальних подступах к Москве в октябре 1941 г. не была напрасной. Они на длительное время приковали к себе крупные силы немецких пехотных и даже танковых соединений группы армий «Центр». Наступление на Москву могло быть продолжено только подвижными соединениями танковых групп и то не в полном составе. Это позволило восстановить рухнувший фронт с опорой на Можайскую линию обороны. Когда на этот рубеж вышла немецкая пехота, советская оборона уже была значительно усилена за счет резервов. Быстрое взятие Москвы сходу не состоялось».

Владимир СЛАБУКА

(Продолжение следует)